

Георгий Анатольевич Мольков

Орфография почерков Лазаревского паримейника XII века

Древнерусский список Паримейника¹, рассматриваемый в данной статье и известный в научной литературе как Сковородский – по месту его хранения в конце XVI–XVII в. в новгородском монастыре Архангела Михаила на Сковородке, – в недавнем исследовании С.М. Михеева (Михеев 2019: 37) был назван Лазаревским, поскольку в древнейший период принадлежал Лазареву монастырю. Эта рукопись долгое время большинством исследователей считалась памятником XIII или XIV в., однако О.А. Князевская на основе палеографических и лингвистических данных отнесла ее (поддержав датировку И.И. Срезневского) к более раннему времени – ко второй половине – концу XII / началу XIII в. (Князевская 1993: 30-31; здесь же приведен обзор предыдущих точек зрения на датировку памятника). По-видимому, у исследовательницы были сомнения относительно точности этой хронологической привязки, т.к. позднее – в тезисах 1999 г. – О.А. Князевская предполагает, что “рукопись могла быть создана в первой половине или в начале XII в.” (Князевская 1999: 46). В следующей же своей публикации, посвященной Лазаревскому паримейнику, она вновь возвращается к датировке рубежом XII–XIII в. (Князевская, Коробенко 2003: 35, 39).

С.М. Михеев, рассмотрев этот список Паримейника в кругу других сохранившихся рукописей, связанных с Лазаревым монастырем, обратил внимание на тождество одного из почерков этой рукописи с почерком основного писца Милятина евангелия – попа Домки (Михеев 2019: 28-37). Апробация гипотезы С.М. Михеева о тождестве второго писца с Домкой, переписывавшим Милятино евангелие, на орфографическом уровне предпринята в специальном сопоставительном исследовании (Мольков 2022). Это отождествление дало возможность точнее определить возможное время создания списка Паримейника в пределах XII в. Предпринятый подробный анализ языка двух основных писцов Милятина евангелия показал, что комплекс отраженных в их почерках языковых особенностей не содержит маркированных инноваций и “объединяет рукопись с древнерусскими памятниками первой половины XII в.” (Мольков 2018: 47). В соответствии с этим С.М. Михеев предположил, что “Милятино евангелие и Лазаревский паремейник были написаны во второй четвер-

¹ Москва, РГАДА, Типографское собрание 50, лл. 1-126 (*Лазаревский паримейник* – далее: ЛазПар).

ти-середине XII в.” (Михеев 2019: 39). Дальнейшее изучение языка Лазаревского паримейника показало, что один из его почерков, соседствующих с почерком Домки, дает новую информацию, существенную для уточнения датировки обеих рукописей, – в частности содержит написания, отражающие появление нового ятя в языке писца. Эта черта начинает фиксироваться в книжной орфографии, по имеющимся данным, только с середины XII в. Таким образом, с учетом всех выявленных факторов наиболее вероятное время, к которому относится создание Лазаревского паримейника и Милятина евангелия, – середина-третья четверть XII в. (обоснование датировки см. в Мольков 2020: 291-295).

Несмотря на то что О.А. Князевская в нескольких вышеназванных работах рассмотрела языковой материал рукописи, орфографию Лазаревского паримейника можно считать описанной очень фрагментарно. Исследовательница перечисляет основные орфографические особенности, актуальные для раннего древнерусского письма, приводит отдельные примеры без разделения по писцам и без указания доли того или иного варианта в случае вариативности оформления определенной позиции. Это не позволяет увидеть разницы в орфографических системах разных писцов. Некоторую специфику на уровне графики О.А. Князевская выделяет в первом почерке – архаичность написаний **Ѣ** и **Ѩ** (Князевская 1993: 31-32) и графико-орфографически выделяет второй почерк по употреблению буквы **Ѣ** (преимущественно на конце строки) при ее отсутствии в остальных почерках паримейника (*там же*: 32). Для некоторых орфографических особенностей приведенные Князевской примеры не дают представления о их функционировании в почерках рукописи. В частности, говорится о “многочисленных окончаниях -ѢМЪ, -ЪМЪ в Т. ед.” (*там же*: 33), но не уточняется, есть ли написания этих флексий через **ѣ**, **ѝ**. Примеры с пропуском еров **кѣо**, **кнѣзь**, **ствѣри**, **все** О.А. Князевская расценивает как “свидетельство начала отражения процесса падения редуцированных в кодексе” (*там же*), хотя во всех приведенных морфемах пропуск еров был характерен для древнейшей восточнославянской орфографической нормы под влиянием южнославянской письменности. Важнейшие примеры с новым ятем – **камѣнѣиѣ** и **нѣ имать** – исследовательница по какой-то причине не считает “лингвистически показательными” (*там же*). В публикациях О.А. Князевской 1993, 1999 и 2003 годов повторяются одни и те же немногочисленные примеры Лазаревского паримейника при наличии в рукописи более показательных и орфографически характерных написаний.

Обзорное рассмотрение большей части орфографических черт в рукописи без разделения на почерки не позволяет О.А. Князевской убедительно установить количество почерков. По ее мнению, не подкрепленному какой-либо аргументацией, в переписывании кодекса “принимали участие не менее четырех писцов” (Князевская 1993: 31), в то время как С.М. Михеев, проанализировав палеографические особенности рукописи, установил, что писцов было трое – поп Домка и два анонимных писца (Михеев 2019: 28, сноска 30). Наши наблюдения над орфографией почерков подтверждают наличие только трех писавших: 1-й писец – лл. 1а-56г и 103а-114г, 2-й

писец (Домка): 57а-89в и 115а-126г, 3-й писец – 89г-102г. Отрезки лл. 1а-56г и 103а-114г, которые О.А. Князевская относила к разным писцам, однородны по всем рассмотренным нами орфографическим параметрам, что наряду с палеографической однородностью этих отрезков, отмеченной Михеевым, заставляет атрибутировать их одному и тому же писцу.

1. *Написание еров*

Написание морфем, содержащих этимологические редуцированные, заметно противопоставляет три почерка Лазаревского паримейника. Различия касаются большинства еровых орфограмм. Наибольшее внимание исследователей своим инновативным характером – в том числе в сфере написания этимологических **ѡ* и **ѡ* в ряде позиций – привлекал первый почерк, занимающий лл. 1-56 об. и 103-114 об. Почти все приводимые О.А. Князевской примеры с заменой *ѡ*, *ѡ* на гласные полного образования, которые в рукописи в целом “встречаются нечасто” (Князевская 1993: 33), приходится на первый почерк. Из них наиболее показательны замены в рефлексах **tort* – Князевская приводит 3 примера, к которым С.М. Михеев добавляет еще один (Михеев 2019: 39); именно в этой позиции написание *ѡ*, *ѡ* не имеет прямых аналогий в южнославянских рукописях и может рассматриваться как отражение живого фонетического процесса (Шахматов 1915: 206) По нашим наблюдениям, этот список можно еще дополнить и представить в следующем виде: *вер[г]оу* 3а, *дѣрзѡуци* 14г, *ВЪ ЧЕТВѢ(ѣ)*: 18б (ср. записанный без сокращений аналогичный заголовок – *ВЪ ЧЕТВѢРЪ/тѣкъ* 19б), *ВЪ ЧЕТВѢ(ѣ)/къ* 39в, *ВЪ ЧЕТВѢ(ѣ)КЪ./* 54б, *сто/лпъникоу* 109г, *столпъ/* 111г, *сѣмерѣ/нѣ* 113а.

Кроме этого, прояснение еров происходит в 1 почерке в следующих формах: *оуповаѡ* 20в, *вече/стънѣ* 21в, *мѣсть* 29б, *сотѣ* 34а (×5), 34б (×3), *шестѣсо/тоноѣ* (!) 41а, *чѣстьни* 44б, *вѣзопиють* 51а, *оу/пованиемѣ* 109г, *по стебли/ю* 110а. Этот список орфографически неоднороден. Часть примеров – допустимое в ранней древнерусской норме ‘прояснение’, усвоенное в отдельных основах из южнославянской письменности, которое может восходить к более ранним спискам Паримейника. В первую очередь это относится к основе *оупова-*, закрепившейся в таком написании под влиянием глаголов на *-овати* (Карягина 1960: 19); прояснение гласного в словах типа *чѣсть*, *мѣсть* и производных также встречается в XI в. в системах с частыми заменами *ѡ > ѡ*, *ѡ > ѣ*. Оговорки, вероятно, требуют и концентрация прояснений *ѡ* в сильной позиции в корне *сѣт-* на л. 34 в чтении из книги Бытия: *лѣ| ѣ сѣтѣ*. и *ѣ*, *лѣ · ѣ*: *со | тѣ*. и *ѣ*, *ѣ*: *сѣтѣ лѣ*. и *лѣ*, *лѣ | ѣ · сѣтѣ*. и *лѣ*, *ѣ · сѣтѣ лѣ*. и | *лѣ, лѣ ѣ · | сѣтѣ*. и *лѣ*: *дѣсѣтѣ*, *ѣ · сѣтѣ лѣ*, *ѣ · сѣтѣ*. и | *ѣ* · и *лѣ* *лѣ* – при том что на предыдущем листе 33 об. в том же зачале пишется только *ѡ* в сильной позиции и аналогичной форме: *лѣ | ѣ сѣтѣ*, *лѣ · ѣ · сѣтѣ*. и *лѣ*, *ѣ*: *сѣтѣ*. и *ѣ* *лѣтѣ*, *ѣ сѣтѣ* |

² Ср., например, написания *чѣсть* и *лѣсть* в Толстовской псалтири XI в. (Мольков 2019: 414), *чѣстьнѣ* в Пандектах Антиоха XI в. (Копко 1915: 157).

и ѿ. Такое распределение говорит, скорее, о книжной природе написаний ѿтъ, перенесенных без изменения в данном чтении из южнославянского протографа. Остальные примеры 1 почерка, будучи единичными, также не исключены в системах типа Толстовской псалтири, но рядом с прояснениями в *tǫrt в почерке, где прояснения в целом встречаются нечасто, по-видимому, отражают произношение писца.

В двух остальных почерках Лазаревского паримейника прояснение еров представлено немногочисленными, но показательными примерами. Во 2 почерке (Домки) встретилось в 4 примерах, сосредоточенных в первом из переписанных им отрезков: на стѣ/гнуоу 73г, на стоуденець 82б, въ горнилъ 87а (×2). В последних двух примерах, относящихся к одной и той же словоформе, прояснение происходит в рефлексе *tǫrt. В почерке Домки в Милятином евангелии мена на гласный полного образования в сочетании типа *tǫrt также встречается дважды в одной и той же словоформе – ѿтвѣртѣвластьникъ, но появление ѿ в этой основе может объясняться влиянием основы собирательного числительного ѿтвѣро (Мольков 2018: 26)³; надежных примеров не книжного прояснения в Милятином евангелии у Домки нет (*там же*: 35). Таким образом, в рассмотренном отношении писец Лазаревского паримейника в случае тождества с Домкой Милятина евангелия, допускает более явные отступления в пользу своего произношения, чем в евангельском списке.

У 3 писца Лазаревского паримейника также есть примеры, записанные с прояснением гласного: нѣдово/льньмъ 90а, довольно 90а, жьзлъ (исправлено из жезлъ) 98б, оуповающимъ 102а.

В совокупности примеры с заменой еров на ѿ, ѿ в сильной позиции в рассматриваемой рукописи выходят за рамки допустимого круга морфем и слов, в которых данная орфограмма допускалась в списках литургических текстов XI-первой половины XII в.

Пропуск еров в слабой позиции представлен в Лазаревском паримейнике в большом количестве морфем, и наибольшее их число относится к первому почерку. Сопоставим данные почерков по функционированию данной орфограммы в корнях и основах с этимологическими редуцированными в нечастотных аффиксах.

Полные данные по пропуску еров, приведенные в ТАБЛИЦЕ 1, показывают, что орфография 1 писца контрастирует с двумя другими почерками рукописи по этому параметру: пропуск возможен более чем в 30 разных корнях и нечастотных аффиксах. Если воспользоваться унифицирующим принципом не учитывать пропуски в 1-2 случаях для морфем, употребленных более 3 раз (Крысько, Мольков 2020: 16), то в 1 почерке пропуски встретились в 26 морфемах, во 2 почерке – только в 9, а в 3 почерке – всего в 2 (хотя его материал менее показателен ввиду небольшого объема в 13 листов). Количество в 26 морфем (более 20) можно, по нашим наблюдениям, признать характерным для орфографии периода после падения редуцированных (Крысько, Мольков 2020: 18), указывающим на создание рукописи во второй половине XII в. В

³ В почерке Лазаревского паримейника основа ѿтвѣртѣ- встретила 6 раз (в словах ѿтвѣртѣзи и ѿтвѣртѣкъ) и пишется только с редуцированным.

ТАБЛИЦА 1. Пропуск еров в Лазаревском паримейнике

(в круглых скобках дано количество примеров, в которых буква редуцированного находится в позиции конца строки)

корень	первый почерк		второй почерк		третий почерк	
	пропуск	сохр.	пропуск	сохр.	пропуск	сохр.
-КЪТО-	12	2	13	9	2	—
МЪНОГ-	49	(1)	26	(1)	3	5 (1)
МЪНЪБ / -ою	19	(2)	38	16 (4)	—	12 (4)
ТЪКЪМО	1	—	2	—	—	—
КЪНАЗ-	8	—	5	—	4	2
ВЪС-	145	114 (18)	34	112 (10)	7	54 (7)
КЪНИГ-	3	(1)	1	—	—	—
ПЪТ-	19	(2)	—	2 (1)	—	—
МЪН-	1	—	—	3	—	—
-ЪТО-	20	(1)	1	25 (7)	1	12
ЗЪЛ-	52	6 (3)	25	21 (4)	—	8 (2)
ДЪВ-	13	—	—	11 (4)	—	1
ДОНЪДЕЖЕ	3	1	1	5 (2)	—	4 (1)
СЪЛ(Δ)-	15	4 (1)	—	26 (2)	—	2
ЗЪВ(Δ)-	2	4	—	17 (3)	—	5 (1)
ВЪР(Δ)-	1	12 (1)	—	12 (1)	—	5 (1)
ЗЪД(Δ)-	7	7 (2)	—	—	—	—
ЗЪР-	4	17 (1)	—	25 (1)	—	8 (2)
СЪП/Н-	8	(4)	—	4	—	2
КЪДЕ	8	—	—	6	—	4
РЪЦ-	2	3	—	11 (2)	—	2
-ЖЪДО	2	1	—	9	—	6 (1)
(З)-ЪМ-	7	4	—	4	—	4 (1)
ВЪТОР-	2	4 (1)	—	6 (1)	—	2
ЪТ-	3	23	—	7	—	5 (1)
СТРЪПЪТ-	1	1	—	7	—	—
ПЪШЕН-	2	4	—	3	—	1
ЖЪД(Δ)-	2	—	—	—	—	—
СЪТ-	1	4	—	3	—	—
ЖЪН-	2	—	—	—	—	1
ДЪН-	1	—	—	—	—	—
ЛΔКЪТ-	—	—	1	—	—	—

то же время показатель в 9 морфем во 2 почерке выглядит консервативным в пределах всего XII века⁴. Написания в этих морфемах (см. таблицу 1) могли быть скопированы писцом Паримейника из более ранних списков текста.

Пропуски в аффиксах противопоставляют почерки ЛазПар аналогичным образом. В 1 почерке такие пропуски многочисленны – по нашим подсчетам, в 174 случаях – и встречаются в большом количестве разнообразных позиций. Среди этих пропусков есть допускаящиеся орфографической нормой уже в XI в. (к^томоу 2а, 4б, 38б (×2), 48г (×2), 49б, 50г, 106б, 108в (×2), вѣрна 4г, вѣрно 18а, створи 11б, 14б, 17б, 19в, 19г, 20а, 22г, 23в, 25в, 25г, 28г, 36в, к не/и 39в, бѣговѣрнѣхъ 49г и т.п.); но кроме того, встречаются и нарушения этой нормы, которые нельзя объяснить копированием из более ранних списков: в суффиксах – полци./ бв, враждоуи 24г, мзи/щца 35в, на жа/твѣ 42б, враждоу 43а, правдѣ/ноумоу 50в, клатва/хъ 52б; в приставках – стажимъ/12б, смѣ/ста 20а, смѣрти/ю 20а, смѣ/рнѣть 48а; в окончаниях на стыке морфем – Оста/вил ма 3а, гонации/х ма 14а, аз бо не/смѣ 112г. Напротив, у 2 и 3 писцов пропуски еров в аффиксах малочисленны. У 2 писца отмечены: все/лю 84в, приатни 118г, жьрць 121а, истиннѣ:// 125г; у 3 писца: страсе 94в, к^томоу 96в (×2), 99в, 99г, к/немоу 98г.

Соотношение вариантов записи сочетаний типа **tbrt* в каждом из трех почерков ЛазПар индивидуально, что закономерно отражает общую большую вариативность в записи этой орфограммы в древнейший период (Сидоров 1966: 30-34).

Употребление 1 писца можно условно назвать стандартным – отражающим общую линию вытеснения южнославянского написания восточнославянским для обоих плавных с минимальным участием полногласного варианта записи. Маргинальность вариантов *ЪРЪ* и *РЪ* в этой системе подчеркивается их преимущественным использованием на конце строки: вариант *РЪ* – в 4 из 9 примеров (кроме того, один пример – с титлом: при смѣрти 18а), а вариант *ЪРЪ* еще чаще – 14 из 17 (не на конце строки встретились написания четвѣрьтъи/и 9б, гъръдаце/иса 109в и вѣ гърънѣнии./110а). 1 почерк отличается от 2-го и 3-го еще и тем, что в нем употребляется редкий в восточнославянской письменности, сохранившийся из южнославянского протографа вариант записи рефлекса без гласного – типа *TRT*: всез/мръне 9г, слыцнѣхъ 35а, чрпа 36г, вѣскрѣвѣ: 40г, всеръда 42г, сѣ/мръть 48б, вѣ смръть 52г, сѣ смрътию 53в, сѣмръти 53г. Их относительно большое количество в почерке – 9 форм на фоне 1-2, отмечаемых исследователями в древнерусских рукописях XI-XII вв.⁵ – по-видимому, связано с тем фактом, что за исключением двух примеров (чрпа и вѣскрѣвѣ) написания *TRT* отмечены в корнях, писавшихся под титлом⁶. О том, что восточнославянские книжники воспринимали эти нефонетические написания как разновидность сокращения, говорит описанная нами орфографическая система новгородского писца Матфея,

⁴ См. таблицу 2 в Крысько, Мольков 2020: 17.

⁵ См. обзор примеров в Мольков 2021а: 161.

⁶ Список основ, встречающихся в древнерусской письменности под титлом, см. в Аванесов 1988: 20-22.

ТАБЛИЦА 2. Сопоставление способов оформления рефлексов сочетаний типа **tʁt* в почерках Лазаревского паримейника

(в таблице не учтены рассмотренные выше написания рефлекса с пояснением в 1 почерке)

способ обозначения	первый почерк		второй почерк		третий почерк	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
ʒʁ/ʒʁ	161	82,5%	73	41%	27	69%
ʒʁʒ/ʒʁʒ	17	8,5%	103	58%	11	28%
ʁʒ/ʁʒ	9	4,5%	1	1%	1	3%
ʁ	8	4,5%	–	–	–	–
ʒл	53	84%	12	35%	12	50%
ʒлʒ	6	9,5%	20	59%	7	29%
лʒ	3	5%	2	6%	5	21%
л	1	1,5%	–	–	–	–
ʒt	214	83%	84	40%	39	62%
ʒtʒ	23	9%	124	58,5%	18	28,5%
tʒ	12	4,5%	3	1,5%	6	9,5%
t	9	3,5%	–	–	–	–

в письме которого вариант *TRT* представлен десятками примеров (Мольков 2021а: 164-165). Данные 1 почерка ЛазПар дополнительно подтверждают существование этой корреляции в узусе новгородских писцов XI-XII вв.

Соотношение вариантов *ʒP*, *ʒPʒ* и *Pʒ* во 2 почерке обращает на себя внимание преобладанием *ʒPʒ* над *ʒP* (при единичных *Pʒ*). Это является нарушением свойственной большинству почерков периода закономерности, согласно которой “написания типа *тʒʁʒгʒ* ~ *тʒʁʒгʒ* всегда составляют лишь относительно небольшой процент от написаний другого типа” (Живов 2006: 248). Для писца ЛазПар напротив – тип *ʒPʒ* является основным. Нами были выявлены и другие примеры нарушения этой закономерности – некоторые отрезки 2 почерка Успенского сборника, а также – почерк Домки в Миялином евангелии (Крысько, Мольков 2020: 70). При этом у Домки процентное соотношение вариантов *ʒPʒ* и *ʒP* (52 и 47%) почти тождественно наблюдаемому в 2 почерке ЛазПар (58 и 41%)⁷, что дополнительно подтверждает возможность отождествления писавшего.

⁷ Ср. разнообразие процентных соотношений отрезков 2 почерка Успенского сборника с преобладанием *ʒPʒ*, где этот вариант записи может составлять и 90,6%, и 87%, и 62,5% (Крысько, Мольков 2020: 64).

ТАБЛИЦА 3. Написание флексии ТП ед. ч. в ЛазПар

флексия	первый почерк		второй почерк		третий почерк	
-омь	8		22		7	
-ъмь	40		12		21	
-емь	2		4		—	
-ьмь	16		18		7	
Итого:						
юж.-сл.	10	15%	26	46,5%	7	20%
вост.-сл.	56	85%	30	53,5%	28	80%

3 почерк ЛазПар ближе к древнерусскому 'стандарту' по соотношению вариантов написания еров с плавными. Ввиду небольшого количества материала сложно проследить принципы, по которым он распределяет варианты. Можно отметить, что жесткого разделения корней по вариантам написания у него, видимо, нет, т.к. один и тот же корень встречается в обоих написаниях: *стълпъ//ъмь* 93а-б, *стълпъмь/* 93б, но *стълпъ* 93б, *стълъ/пъ* 93б; *межю/ пълкъъмь* 94б, но *межю пълкъъ/ъмь* 94б и на *пълкъъ./* 94б (все 3 варианта записи в одном корне); и *спърва* 99б, но *първа/аго* 92г; *отъ/вързеши* 99б, но *отъвъръзъ* 101б и др. Также показательно, что представленные небольшим числом примеров основы у 3 писца тем не менее пишутся вразрез с описанным выше закреплением варианта у 2 писца: он пишет и *скъръб-* (3 примера) и *скърб-* (4 примера) при исключительном *скърб-* у 2 писца; только *дърз-* (2 примера) и *държ-* (2 примера) при исключительных *дърз-* и *държ-* у 2 писца.

Написание флексии ТП ед. ч. в именах муж. и средн. рода с основами **o-* и **jo-* склонения в почерках ЛазПар неоднородно (см. таблицу 3)⁸. Как южно-, так и восточнославянские флексии встречаются у всех трех писцов, но в разном соотношении.

Общим для переписчиков ЛазПар является соотношение южнославянского вида окончания (с *o/ε*) в твердом и мягком подтипах склонения: в твердом он составляет большую долю (33,5%), чем в мягком (13%). Это вполне соответствует соотношению вариантов *-омь/-емь* в ранней древнерусской письменности в целом⁹. В 3 почерке мягкий вариант с *ε* вовсе отсутствует, что совпадает с орфографией Юрьевского евангелия 1119-1128 гг. (Федорова 2016: 85), а также с набором вариантов, который используется во 2 почерке Успенского сборника второй половины XII в. (Крысько, Мольков 2020: 84). Возможно, такой набор написаний (*-ъмь*, *-омь* и *-ьмь*) отличает

⁸ Не учтены существительные с основой на *-j*.

⁹ См. обзор материала рукописей XI в. в Крысько, Мольков 2020: 82.

рукописи XII в., на завершающем этапе использования вариантов *-омь/-емь* в качестве традиционных книжных флексий ТП. У 1 и 2 писцов ЛазПар окончание *-емь* в **jo*-склонении почти не используется; в частности, у 1-го оба раза этот вариант использован в форме слова *сръдце: срѣдцемь* 15г, 33б; при этом данная словоформа чаще пишется у него с восточнославянской флексией: *срѣдцьмь* 20в, 42в, 52б.

Наиболее активны южнославянские написания у 2 писца ЛазПар, которым предположительно являлся поп Домка, участвовавший в создании Милятина евангелия. Особенности дистрибуции южно- и восточнославянского вариантов написания флексии в обеих рукописях оказываются близки по ряду параметров. Совпадает доля южнославянских написаний в почерке в Милятином евангелии и в ЛазПар (41,5%¹⁰ и 46,5% всех написаний флексии соответственно), а также набор допустимых вариантов: в 13 примерах писец ЛазПар пишет флексию ТП ед. с *-ъ* на конце, получая варианты *-емъ*, *-ьмъ*, *-омъ* и *-ъмъ*. Вне 2 почерка написание с конечным *-ъ* в ЛазПар встретилось всего раз, у 1 писца: *миромъ* зв. Кроме того, книжник в обеих рукописях ориентируется на морфологические параметры слов. В основах исконного **es*-склонения (в том числе перешедших в продуктивный тип на **o*) писец в ЛазПар – в немногочисленных, правда, примерах – использует только флексию с гласным полного образования: *словомь* 71в, 119б и *словесемь/* 74а – так же, как Домка в Милятином евангелии (Мольков 2014: 24).

Существенным в выборе флексии ТП ед. для 2 писца ЛазПар оказывается фактор рода: существительные среднего рода в твердом подтипе склонения он пишет только с окончанием *-омь/-омъ* (*виномь* 63б, 71а, 75б, *словомь* 71в, 119б, *златомь* 116г, 124б, *сръвромъ./* 124б). Эта группа слов заметно выделяется в почерке, в котором *-ъмь* в целом преобладает: в ее рамках южнославянское написание присутствует в 53,5% примеров. Если учесть, что в древнерусских рукописях XI в. южнославянское написание флексии ТП твердого подтипа склонения при его использовании в почерке, как правило, последовательнее пишется в среднем роде, чем в мужском (Крысько, Мольков 2020: 82), то указанное внимание писца середины XII в. к существительным среднего рода имеет под собой опору в его опыте переписывания текстов с более ранних списков и с большой долей вероятности *o* в окончаниях среднего рода могло быть скопировано из антиграфа.

2. Орфограммы с Ѣ

В ранней древнерусской письменности выделяется два основных типа орфографических систем по употреблению буквы Ѣ – со смешением Ѣ и е в ограниченном наборе позиций и с частым их смешением (Крысько, Мольков 2020: 106-138). Почерки ЛазПар, как и большинство древнерусских почерков раннего периода, принадлежат первому типу – смешение Ѣ и е наблюдается в них в ряде типовых позиций, которые

¹⁰ На основе количественных данных таблицы 1 в Мольков 2014: 28.

ТАБЛИЦА 4. Запись рефлексов **tert* / **telt* в ЛазПар

почерк	<i>*tert</i>			<i>*telt</i>	
	рѣ	ре	ере	лѣ	ле
1	246 (93%)	16 (6%)	3 (1%)	11 (73,5%)	4 (26,5%)
2	197 (93%)	2 (1%)	13 (6%)	16 (100%)	–
3	59 (73,5%)	12 (15%)	9 (11,5%)	8 (89%)	1 (11%)

ТАБЛИЦА 5. Написание слова посреѣдѣ в ЛазПар

почерк	рѣ	ре	ере
1	3	9	3
2	–	–	13
3	1	12	–

выделил Н.Н. Дурново (2000: 468-472). Самая частотная из них – вариативность двух букв при записи рефлексов **tert* / **telt*.

Почерки ЛазПар объединяет существенное преобладание южнославянского способа записи **tert* / **telt* – в совокупности около 90% встретившихся употреблений (см. ТАБЛИЦУ 4).

Приведенные количественные данные показывают, что в адаптации южнославянских написаний с рѣ и лѣ в ЛазПар не наблюдается существенной разницы, в то время как для ряда почерков XII в. характерна орфография с более консервативной записью лѣ по сравнению с рѣ (Живов 2006: 178-199). Среди примеров использования восточнославянского варианта записи с ре/ле и полногласного с ере привлекает внимание написание наречия посреѣдѣ (см. ТАБЛИЦУ 5) – у всех трех писцов в данном случае так или иначе отклоняется от основного варианта записи (через рѣ).

При сравнении информации двух таблиц можно заметить, что помимо отклонения от общего соотношения вариантов рѣ/ре/ере в почерках ЛазПар написание этого слова характеризуется тем, что исключительно для него писцы используют один из маргинальных в их орфографии восточнославянских вариантов записи. У 1 и 2 писца – вариант ере используется только в форме посреѣдѣ (3 и 13 раз соответственно), а у 3 писца – все 12 случаев использования варианта ре приходятся на посреѣдѣ. При этом различие 1 и 2 писцов заключается в том, что у 2 писца слово посреѣдѣ пишется только таким образом, а у 1-го – это один из допустимых вариантов записи слова, наряду с посреѣдѣ и посреѣдѣ (тем не менее написание слова на

фоне других корней с **tert* в почерке остается маркированным – только его 1 писец пишет тремя разными способами).

Эта орфографическая выделенность лексемы *посрѣдѣ* на общем фоне явным образом коррелирует с ситуацией в первом почерке Милятина евангелия – в орфографии попа Домки. И ожидаемо – при описанных различиях трех писцов ЛазПар – наиболее близкое (полное) сходство наблюдается в написании слова *посрѣдѣ* во 2 почерке Паримейника и у Домки в Милятином евангелии, где также для корня *срѣд-* в составе слова *посередѣ* (и только для этого слова) используется полногласный вариант записи (Мольков 2018: 23).

Очевидно, писцы ЛазПар, в том числе Домка, переписавший и Милятино евангелие, в данном случае закрепили восточнославянские написания за конкретной лексемой. Корень *срѣд-* испытывает тенденцию к графической замене *ѣ* > *є* уже в ряде памятников XI в. В тех почерках, где написание *ре* используется чаще, чем в рассматриваемых почерках, корень *срѣд-* оформляется с его помощью. Наиболее последовательно именно он пишется с *є* во втором почерке Изборника 1073 г. (Дурново 2000: 469); “нередко” встречается данный корень с *є* и в Типографском Уставе XI-начала XII вв. (*там же*: 470); также из 13 отмеченных Р.Н. Кривко написаний с *ре* во втором почерке Бычковско-Синайской псалтири 7 относится к корню *срѣд-* (Кривко 2004: 174). На фоне перечисленных примеров писцы ЛазПар более последовательны: одна из лексем с этим корнем орфографически выделяется с помощью восточнославянской огласовки с *є* на фоне других с корней с праславянским **tert*. Возможно, эта частная особенность сформировалась у них вследствие совместной работы в скриптории.

Использование варианта *єре* у 3 писца в отличие от двух других переписчиков ЛазПар не ограничено словом *посрѣдѣ* (и даже не связано с ним): *чєреса (!) ваша* 90б, *же/ревиа* 90г, *жеревина* 90г, *жеревини* 90г, *пожерети* 91б, *вз чє/ревѣ* 91б, *отъ чє/рева* 91б, *Ищерева* 91б, *оумерети* 92в. При всей немногочисленности примеров можно отметить, что основы *чрѣсл-*, *чрѣвл-* и инфинитив *-мрѣти* в почерке встречаются и в южнославянском виде (*оумрѣти* 92б, 93г, *вз чрѣвлѣ* 97г, *чрѣсла* 98б), а основа *жерев-* пишется только в полногласной форме. Возможно, писец пытался закрепить полногласное написание некоторых основ (как вариант *ре* у него закреплен за словом *посредѣ*).

Употребление *є* вместо этимологического *ѣ* в ЛазПар характерно и для другой типовой позиции (Дурново 2000: 470) – в местоименных формах Д-МП *теѣѣ* и *сеѣѣ*. Написание этих форм с меной *ѣ* > *є* происходит в его почерках с разной частотностью, причем 1-й и 3-й сходны между собой в этом отношении и представляют нестандартную реализацию этой орфограммы. У этих писцов написания *теѣе*, *сеѣе* полностью вытесняют этимологические *теѣѣ*, *сеѣѣ* в Д-МП (за единственным исключением – *вз сеѣѣ* 17а в 1 почерке). Формы *товѣѣ* и *совѣѣ* у этих писцов также малоактивны: *товѣѣ* встретилась 1 раз у 3 писца, а *совѣѣ* – 4 раза у 1 писца. При этом основные в их орфографии формы Д-МП *теѣе* и *сеѣе* встретились у 1 писца – 34 и 17 раз, а у 3-го – 12 и 4 раза. Этимологические формы *теѣѣ* и *сеѣѣ*, по-видимому, воспринимаются обоими писцами как неправильные.

У 2 писца ситуация несколько иная: преобладают в Д-МП написания *теѣ* (42 раза) и *сеѣ* (14 раз), но и этимологические формы также встречаются (8 и 9 раз соответственно). Кроме того, в 2 случаях встречается обратная замена: формы РП пишутся в виде *теѣѣ*. Восточнославянские варианты *тоѣѣ* и *соѣѣ* у него единичны (2 и 1 пример). Такая орфография местоименных форм Д-МП в целом соответствует употреблению Домки в Милятином евангелии. Написания *теѣѣ* и *сеѣѣ* в Д-МП в списке Евангелия более активны, чем в почерке Паримейника, но всё же в 2-2,5 раза менее частотны, чем неэтимологические *теѣ* и *сеѣ*; дважды встречаются формы *сеѣѣ* в РП (Мольков 2018: 24), а также единичные русизмы *тоѣѣ* и *соѣѣ*¹¹. Набор допускаемых писцом вариантов и их общие пропорции в почерках двух рукописей совпадают.

Слова с основами *тѣѣл-*/*тѣѣлес-* – еще одна типовая позиция со смешением *ѣ* и *ѣ* в ранней письменности (Дурново 2000: 471) – в Паримейнике встречаются редко, всего 17 раз. Слово склоняется преимущественно по продуктивному типу без *-ѣ-* в косвенных падежах и пишется через *ѣ*. Только во 2 почерке встречаются формы с основой *тѣѣлес-* – 1 раз через *ѣ* и 1 раз через *ѣ*.

В 1 почерке рукописи помимо перечисленных позиций замена *ѣ* на *ѣ* происходит под воздействием фонетического фактора – в нем встретилось 28 примеров написания “нового *ѣ*”. Подробному рассмотрению этой особенности посвящена специальная работа (Мольков 2021б).

3. Написание рефлексов *dj

Писцы ЛазПар в целом однородно оформляют рефлексы сочетания *dj, в абсолютном большинстве случаев используя восточнославянский способ записи ж. У 3 писца написание жд в этой позиции совсем не встречается, у 1-го оно использовано всего в 2 примерах, сохранных, по-видимому, из более ранних списков (тоуждѣмоу 15 об., вѣ зи/жда 31) при 106 написаниях с ж. В 1 почерке встретилось гиперкорректное написание с заменой жд > ж в форме без этимологического *dj: одъждитѣ/ на взи дъжь раны/и поздънзи 107 (Иоиль 2. 23) – по-видимому, 1 писец специально устранил встретившиеся в антиграфе “неправильные” с его точки зрения жд.

У 2 писца (предполагаемого Домки) южнославянские написания составляют несколько большую долю написаний *dj – 17 примеров из 116 форм, т.е. ок. 15%, что достаточно близко показателю почерка Милятина евангелия (10%). Написание жд встретилось в следующих примерах: и/зноюждаетъ 57 об., аждь 63, прѣ/даждь 64, вижду 64 об., тоужди 65, нъждь/нзихъ¹² 66 об., рожданицю 69 об., тоуждь 71 (×2), тоуждю 71, по/<вѣ>ждьше (!) 77 об., ноуждѣю 78 (×2), ѣждь/ 81 об., тоуждѣи

¹¹ См. словоуказатель в издании (Мольков 2018).

¹² В Захариинском паримейнике 1271 г. в этом стихе – Ис. 58:6 – читается форма *ноужнзихъ* (по электронному изданию на портале *Манускрипты*: Запросная форма “Паримейник [Захариинский][РНБ, Q.п.І.13, 1271 г.]”, <manuscripts.ru>).

82 об., раждаше/са 85 об., прѣжде 86. Последовательность в написании жд можно увидеть для основ тоужд- и ноужд-. Первая из них не встречается в почерке с восточнославянской рефлексацией чоуж-; южнославянский рефлекс первого согласного, по-видимому, обусловил сохранение всего корня в его южнославянском произношении. Вторая основа ноужд- также не встретилась в почерке в виде ноуж-. Остальные основы и словоформы приведенного списка встречаются в почерке и в написании через ж: прѣже 57 (×2), 61 об. (×2), 62, 63, 73 об., 78, 88, 118 об., 122а (×6), 125в, ажъ 62, прѣда/жь 71 об., вижю 83 об., 87, 121в, ражающа, ражаютъ, ража/хоу 78, рожию 122в и др.

4. Рефлексы цоканья

У всех трех книжников, переписывавших ЛазПар, встречаются примеры взаимозамены букв ц и ч – отражение северного диалектного неразличения аффрикат. Всего отмечено 90 примеров, из которых 83 случая – это употребление ц вместо ч и только в 7 случаях происходит обратная замена. Это составляет чуть больше 3% всех написаний двух букв в рукописи.

Примеры со смешением букв неравномерно распределены по почеркам. Больше половины из них (54 из 90) относятся к 3-му почерку (им переписано только 13 листов из 126), т.е. у этого писца доля неэтимологических написаний аффрикат существенно больше, чем в среднем по рукописи (ок. 14%).

У первых двух писцов встретилось 21 и 15 примеров с меной соответственно. Если воспользоваться разделением ошибок в написании аффрикат по классам, выделенным В.М. Живовым (Живов 2006: 109), в первом почерке получится следующее соотношение типов ошибок:

- I: ѡзъцнънъцнъхъ./ 9в, ѡ притъць 14г, ѡ при(т')ць 36в, члвцска 44а, ѡ при(т')ць 46б, ѡ прит'ць 55б, книгъ/цина 105г,
 I': съ/конецъцнъць 5б, крѣвѣ телца 10в, Гй помощнице 22б, съконецъца/ 32а, слньцнънъцнъхъ 35а, съконецъцнъць 37в, слньцнъ/нънъцнъхъ 40а, вѣ/ роуцѣ правдыници/ 42г, ѡ/блицающаѡа 56г,
 II: прочвьѣть/ть 3г, ѡблаци/ 24б, ѡко/ члвци 48а,
 III: вѣ/ мѣсачъ 44г, бѣсловъѡа 114а.

Больше половины форм с меной относится к I'-классу – написаний рефлексом і палатализации “в условиях” 3-ей (т.е. после и и ѡ), что закономерно ввиду большей сложности правила (правило С, по Живову [Живов 2006: 105-106]), регулировавшие эту группу написаний.

В примерах с меной в классе I привлекает внимание неоднократное написание ц в форме РП мн. притъць вм. притъчь. Эта форма фигурирует в заголовках чтений и в 13 других случаях пишется в почерке через ч, т.е. неэтимологические написания этой

ТАБЛИЦА 6. Написания аффрикат в третьем почерке ЛазПар

	I	I'	II	III	Всего
Правильные	171	1	57	<i>passim</i>	280
Неправильные	46	6	2	–	54
% неправильных	21%	85,5%	3,5%	0%	16%

словоформы составляют заметную долю (4 из 17, т.е. около четверти). Возможно, это связано с влиянием графического клише (Живов 2006: 123-124) – завершение существительного на -ць (ИП ед. ч. муж. рода) встречалось в тексте чаще, чем РП мн. ч. жен. рода существительных на -ѹа, и первая категория форм стала оказывать влияние на написание второй.

У 2 писца распределение ошибок следующее:

- I: отроциць 59а, на отроци/ць 59в, алъцюцимъ 67а, рѸ/цицѸ 75б, ць/рьпахоу 82б, въ цъвдннѸ 125б,
 I': възвели/цишаса 59г, оѹе 62б, къръмьци 71б, съконецаса/ 72г, лице тельце 76г, Оуста правьднн/ца 118в, дъ/ва (гъ)рълицица 121а, коньциноу 124а,
 II: прочвьтеть 121в.

Как и в 1 почерке, у 2 писца мена ѹ > ц чаще всего происходит в классе I'. Небольшое количество форм не дает возможности выделить среди них определенные категории, представлявшие наибольшую сложность для писца, но на фоне более многочисленных данных почерка Домки в Милятином евангелии можно отметить, что написания почерка ЛазПар с ними коррелируют. В частности, у Домки среди написаний I'-класса выделяется корень коньц- (Мольков 2018: 29): в обоих встретившихся в почерке ЛазПар словоформах с чередованием коньѹ- в этом корне он также записан в виде коньц- (съконецаса/ 72г и коньциноу 124а). Также ошибки I класса в обоих случаях происходят под воздействием частотного написания оѹь¹³.

Написания 3 почерка ЛазПар ввиду их частотности представляют наибольший интерес. Общее соотношение доли ошибок в написании аффрикат в разных классах показывает индивидуальный характер дистрибуции ц/ѹ в почерке (см. ТАБЛИЦУ 6).

Наряду с ожидаемо частыми ошибками в классе I' (сложное правило С) в 3 почерке значительную долю составляют и наиболее многочисленные ошибки писца в написании ѹ по I палатализации (вне “условий III-ей”). Ошибки этой группы допущены в следующих случаях:

¹³ Материал Милятина евангелия см. в Мольков 2018: 29.

вѣ (поу)циноу 90в, отъ-цию твоюю 91б, вѣцънъ/а 91в, сѣвѣцѣ 91г, обѣцѣса/ 91г, единаце 92б, целовѣцъскънхъ/ 92б, оѣима/ 93а, опълицитеса 93б, опълициша/са 93б, опълицишася/ 93г, вѣ цѣваньци 95г, на отроцица/ 96а, отроцица/ сего 96а, отроци/ць 96а, прѣвѣцълю 96б, плацюца/аса 96г, вѣцънъи 97б, отроцици/ 97в, отроциць 97г (×3), 98в, 98г, къ/ отроцицю 97г, отроцицю 98а, отроцицюу 98а, отроцица 98б (×2), 98в, на отроцица 98в, отроци/це 98в, на отроцици 98в, оци свои 98в, на оцию/ 98в, на/дъ отроцице 98в, нѣсть числ(а)÷ 98г, по цѣто 99а, оци наши 99б, наоу/цити 99в, моуцигѣ/ля 99г, моу/цители 100а, насоциша 100б, 101а, по цюдесемь/ 102а.

Значительная часть написаний *ц* вместо *ч* в этой группе происходит после буквы *о*, т.е. в той же позиции, что и у писца Домки – в 27 примерах из 46, в т.ч. в двух случаях это *о* находится в предшествующем предлоге *по* (*по цѣто, по цюдесемь*). Ошибочное употребление титла в одном из таких примеров – *оѣима* – подтверждает связь этой категории примеров с частотным титловым написанием *оѣъ*; и только в двух примерах (*О[т] пророчѣства 90б* и *очи 98г*) книжник ‘пропускает’ в позиции после *о* этимологическое *ч*. Таким образом, в орфографии 3 писца ЛазПар написание *оч*, скорее, является ошибкой против его локального правила. При дальнейшем рассмотрении некоторые из оставшихся примеров I класса оказываются связаны с этой центральной категорией – в 2 случаях ошибочное *ц* пишется после буквы *ѣ*, являющейся графическим дублетом *о* в бытовом письме (*отъ-цию, вѣ цѣваньци*) и еще в 4 – в корнях с этимологическим **valt*: в основах *мѣцъ-* и *пѣцъ-*. При возможности их записи с гласным после *л* (ср. 29% *ЪЛЪ*-написаний в почерке 3 писца), т.е. как *мѣлѣцъ-* и *пѣлѣцъ-* они подпадают под действие того же графического клише. Суммарно 33 формы из 46 (более 70%) отражают локальное правило писца – писать *ц* после *о/ѣ*.

Значимость сокращения *оѣъ* как графического клише, влияющего на выбор буквы аффрикаты, объединяет Домку, 3 писца ЛазПар, а кроме того – и 2 писца Милятина евангелия, у которого все 13 допущенных им ошибок в III классе написаний представлены “устойчивым (хотя и этимологически неверным) лексикализованным написанием существительного *оѣъ*” (Мольков 2018: 30). В последнем случае клише воздействовало на писца противоположным образом – склоняло к выбору *ч*, а не *ц* (возможно, под влиянием соответствующего притяжательного прилагательного).

Внимание трех разных писцов, связанных с рукописями Лазарева монастыря, к одному и тому же титловому написанию при выборе буквы для записи аффрикаты говорит об определенной традиции скриптория этого монастыря. У двух писцов (кроме Домки) подавляющее большинство неэтимологических написаний аффрикат оказывается связанным с сокращением *оѣъ/оѣъ*, что может отражать локальную систему орфографических правил, регламентирующих употребление *ц* и *ч*, сложившуюся в Лазаревом скриптории.

ТАБЛИЦА 7. Стяженные и нестяженные написания адъективов в ЛазПар

Флексия	первый почерк		второй почерк		третий почерк	
	VV	V	VV	V	VV	V
-ддго	1	40	–	51	2	4
-ддго	2	4	–	3	–	2
-оуоумоу	3	17	–	7	1	2
-юоумоу	1	–	–	–	–	–
-знимь	1	4	1	1	3	–
-знихъ	61	44	10	28	8	2
-знимъ	11	11	8	13	1	1
-зними	7	2	3	2	2	1
-нимь	–	2	1	1	1	–
-нихъ	6	12	2	19	1	2
-нимъ	10	37	–	12	3	2
-ними	–	1	–	–	–	–
Всего:	103 (37%)	174 (63%)	25 (15,5%)	137 (84,5%)	24 (60%)	16 (40%)

5. *Стяженные и нестяженные написания*

Переписчики ЛазПар пользуются вариантами записи адъективных флексий в разном соотношении (см. ТАБЛИЦУ 7).

Объединяет почерки рукописи одинаково малоактивное использование архаичных нестяженных вариантов (вовсе отсутствуют во 2 почерке¹⁴) во флексиях ед. числа -дго и -оумоу. Такой узус отражает сложившееся в древнерусской орфографии XI – первой половины XII в. орфографическое противопоставление этих окончаний флексиям мн. числа, имеющим -зы/-и- в составе (Жрысько, Мольков 2020: 211).

Наиболее активны нестяженные написания в 3 почерке, где на их основе появляются разнородные примеры гиперкорректного употребления с удвоением гласного. Удваивается гласный в имени одного из Вавилонских отроков (Дан. 3: 14) – Авденаго, формально сходном с адъективными формами на -дго: двь/дъндадго 10ов, 101а, д/

¹⁴ Что отличает орфографию почерка от употребления Домки в МилЕв, где флексии РП и ДП ед. числа пишутся и в нестяженном виде (см. Таблицу 29 в Жрысько, Мольков 2020: 203). Тем не менее характерно, что с л. 107г Домка перестает ими пользоваться. Таким образом, узус писца в Паримейнике совпадает с орфографией Милятина евангелия на лл. 107г-160.

ВЪДЪНАДГО 100Г, 101А, ДВЬ/ДЪНАДГО 101А, ДВЬДЪНАДГО 101А. Имя пишется только в таком виде. В одном примере удваивается гласный и: прииме/ть (!) 90а. Гиперкоррективизмы с лишним и встретились и в двух других почерках рукописи – в первом: ВЪ ИСХОДИЦИИХЪ 12В, 14Г, ПОИ/ИМЪТЬ 42В; и во втором: ПОУТТИ НАШИИХЪ 120а.

Окончания имперфекта в ЛазПар пишутся преимущественно в стяженной форме (несколько десятков примеров), тогда как нестяженные встретились всего 8 раз (в 1 почерке – ПОДРАЖАД/ХОУ 15Б, ХОГАДХОУ 15Б, ВБИ/ДАДХОУ 15Б; во 2 почерке – ИМАДХОУ 67Б, БАДХЪ 122а; в 3 почерке – ВЪЗДВІ/ЗДАШЕ 91а, ИСХО/ЖАДХОУ 93В, ИСХОУШАШЕ 96Г), т.е. по активности сопоставимы с имеющим тот же гласный окончанием родительного–винительного падежа -ДГО.

6. Выводы

По некоторым из рассмотренных орфографических особенностей почерки ЛазПар оказываются противопоставлены. Инновационные черты в орфографии, связанные с фонетическими изменениями в древнерусском языке XII в., сконцентрированы в 1 почерке (количество основ с пропуском еров, позиции с их прояснением, примеры 'нового Ъ') и определяют датировку рукописи. 3 почерк выглядит архаичным по написанию слабых еров и использованию нестяженных вариантов адъективных флексий, хотя и в нем в других позициях южнославянизмы могут быть полностью устранены (ср. отсутствие ЖД для передачи *dj при использовании ЖД в 1 и 2 почерках).

Из совпадающих черт наибольший интерес представляет не совпадение общей доли вариантов в почерках, а орфографическая специфика в записи конкретных словоформ и буквосочетаний. Эти совпадения, показательные на фоне общего разнобоя и орфографических различий трех почерков, можно отнести к специфике орфографии скриптория при Лазаревом монастыре, в котором был переписан Паримейник. К таким характерным чертам скриптория можно отнести обособленность в записи наречия-предлога ПОСРЪДЪ, форм дательного и местного падежей местоимений ТЕВЪ, СЕВЪ только в виде ТЕВЕ, СЕВЕ, влияние титулового написания ОЦЬ на выбор буквы аффрикаты. Согласно нашим наблюдениям, а также существующим описаниям орфографии восточнославянских рукописей домонгольского периода, перечисленные особенности более нигде не зафиксированы. В то же время, все они, относясь к орфографически маркированным позициям, имеют искусственный характер (гласный в корне словоформы ПОСРЪДЪ по качеству ничем не отличается от гласного в других словоформах с корнем СРЪД- и от корней с рефлексом *tert в целом; позиция аффрикаты после гласного о в естественных условиях не влияет на качество ее произношения и т.д.). Это позволяет видеть в оформлении перечисленных позиций локальную орфографическую традицию отдельного скриптория. Это предположение нуждается в проверке на материале ранее не описанных древнерусских почерков XII века.

Литература

- Аванесов 1988: Р.И. Аванесов (ред.), *Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.)*, I, Москва 1988.
- Дурново 2000: Н.Н. Дурново, *Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка*, в: Он же, *Избранные работы по истории русского языка*, Москва 2000, с. 391-494.
- Живов 2006: В.М. Живов, *Восточнославянское правописание XI-XIII века*, Москва 2006.
- Карягина 1960: Л.Н. Карягина, *Редуцированные гласные в языке Июльской служебной минеи конца XI-начала XII вв.*, в: Р.И. Аванесов (ред.), *Материалы и исследования по истории русского языка*, Москва 1960, с. 5-58.
- Князевская 1993: О.А. Князевская, *Древнерусская рукопись паремийника XII-XIII в.*, в: Б.А. Успенский, М.Н. Шевелева (ред.), *Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти профессора Г.А. Хабургаева*, Москва, 1993, с. 30-34.
- Князевская 1999: О.А. Князевская, *Древнейший список Паремийника (первая половина XII в., РГАДА, ф. 381, оп. 1, № 50)*, в: Л.Н. Смирнов (ред.), *Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян: тезисы докладов международной научной конференции (Москва, 23-24 ноября 1999 г.)*, Москва, 1999, с. 44-46.
- Князевская, Коробенко 2003: О.А. Князевская, Л.А. Коробенко, *Древнейшая славянская рукопись Паремийника: (РГАДА, ф. 381, № 50)*, в: Э.Н. Добрынина (ред.), *Хризограф: Сб. статей к юбилею Г.З. Быковой*. Москва 2003, с. 33-43.
- Копко 1915: П.М. Копко, *Исследование о языке Пандектов Антиоха XI в.*, "Известия отделения русского языка и словесности РАН", XX, 1915, 3, с. 139-216.
- Кривко 2004: Р.Н. Кривко, *Графико-орфографические системы Бычковско-Синайской псалтири. II*, "Русский язык в научном освещении", 2004, 2(8), с. 172-202.
- Крысько, Мольков 2020: В.Б. Крысько, Г.А. Мольков, *Восточнославянские рукописи XI-начала XIII в.: Лингвистические очерки*, Москва 2020.
- Михеев 2019: С.М. Михеев, *Минеи двух Домок: Еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря*, "Slovēne. International Journal of Slavic Studies", VIII, 2019, 2, с. 7-56, DOI: <<https://doi.org/10.31168/2305-6754.2019.8.2.1>>.

- Мольков 2014: Г.А. Мольков, *Развитие орфографической системы новгородского писца Домки (на примере оформления флексии творительного падежа единственного числа в мужском и среднем роде)*, "Древняя Русь. Вопросы медиевистики", 2014, 3(57), с. 21-30.
- Мольков 2018: Г.А. Мольков (описание языка, подгот. текста, комм., словоуказатели), *Милятино евангелие. Рукопись РНБ, Ф.п.1.7. Лингвистическое издание. Указатели. Исследование*, Москва-Санкт-Петербург 2018.
- Мольков 2019: Г.А. Мольков, *Графико-орфографические особенности Толстовской псалтыри*, "Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований", XV, 2019, 2, с. 392-436, DOI: <<https://doi.org/10.30842/alp2306573715214>>.
- Мольков 2020: Г.А. Мольков, *Формирование орфографических систем в древнерусской письменности XI-начала XIII века*: Дисс. ... доктора филол. наук, Санкт-Петербург 2020.
- Мольков 2021a: Г.А. Мольков, *Южнославянские способы написания рефлексов *тъгъ, *тъгъ, *тъгъ в почерке новгородского писца рубежа XI-XII в.*, "Russian Linguistics", LXIV, 2021, 2, pp. 159-173, DOI: <<https://doi.org/10.1007/s11185-021-09242-5>>.
- Мольков 2021б: Г.А. Мольков, *Ранние древнерусские примеры нового ятя и материал Лазаревского паримейника*, в: "Тодишник на Софийския университет 'Св. Климент Охридски' научен център за славяно-византийски проучвания 'Иван Дуйчев'", 2021, 102 (21), с. 401-406.
- Мольков 2022: Г.А. Мольков, *Особенности письма новгородского писца Домки XII века: орфографические аргументы тождества почерков Милятина евангелия и Лазаревского паримейника*, в: В.С. Ефимова (ред.), *Славянское и балканское языкознание*, XXI. Палеославистика, 4, Москва (в печати).
- Сидоров 1966: В.Н. Сидоров, *Редуцированные гласные ѣ и ѣ в древнерусском языке XI в.*, в: Он же, *Из истории звуков русского языка*, Москва 1966, с. 5-37.
- Федорова 2016: М.А. Федорова, *Графико-орфографические особенности Юрьевского евангелия 1119-1128 гг.*, "Древняя Русь. Вопросы медиевистики", 2016, 1(63), с. 81-90.
- Шахматов 1915: А.А. Шахматов, *Очерк древнейшего периода истории русского языка*, Петроград 1915.

Abstract

Georgiy Anatolyevich Molkov

Orthography of the Handwritings of the 12th Century Lazarevskij Paroemiaron

The *Lazarevskij Paroemiaron* (*Parimejnik*) is the earliest copy of this liturgical book in the Old Church Slavonic translation; according to the latest research, it dates back to the middle of the 12th century. This manuscript has East Slavic origins and contains important information on the history of Old Russian orthography. Three scribes contributed to the creation of the manuscript and their spelling varies in many respects.

Innovative spelling associated with phonetic changes in the Old Russian language of the 12th century are concentrated in the first handwriting: the number of stems with jer omissions, positions with the change of strong jers into *o* or *e*, and examples of the so-called “new *jat*’ (ѣ)”. This handwriting determines the dating of the manuscript. The second scribe also took part in the writing of another Old Russian manuscript, the Miljatino Gospel. The analysis of his part of the *Lazarevskij Paroemiaron* makes it possible to assess the degree of variability of spelling preferences of the same scribe when working on copies of different texts. The third handwriting looks archaic in the writing of weak jers and the use of non-contracted variants of adjective inflections, although in other positions South Slavicisms can be completely eliminated from it (compare the absence of *žd* for the reflex of **dj* when using *žd* in the first and second handwritings).

Of the coincidences in the spelling of the scribes, the most interesting is the spelling specificity in the recording of specific word forms and letter combinations. These coincidences, indicative against the background of the general inconsistency and spelling differences of the three handwritings, can be attributed to the specifics of the spelling of the scriptorium at the Lazarev Monastery, in which the *Parimejnik* was rewritten. These characteristic features of the scriptorium include the isolation in the recording of the adverb-preposition *posrědě*, the dative and local case forms of the pronouns *tebě*, *sebě*, only in the form of *tebe*, *sebe*, the influence of the same graphic clichés on the choice of the affricate letter.

Keywords

Old Russian Orthography; Paroemiaron; Loss of Reduced Vowels; New Jat’; **dj* Reflexes; *c-č* Merger; Contracted and Non-Contracted Inflections.